

Государственная публичная
историческая библиотека России

ЧЕРТКОВСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ
СБОРНИК

Выпуск V

*Российская империя:
символический язык эпохи.
К 300-летию провозглашения
Петра I императором Всероссийским*

Москва
2022

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)47+63.3(2)52
Ч-50

Ответственный редактор
к.и.н. М.Ю. Андрейчева

Редакционная коллегия:
к.п.н. М.Д. Афанасьев (председатель)
д.и.н. Е.А. Осокина
д.и.н. Н.П. Таньшина
д.и.н. Е.В. Болтунова
к.и.н. М.Б. Башмаков

Рецензент:
д.и.н. Андрей Владимирович Сазанов

Чертковский исторический сборник. Выпуск V. Российская империя: символический язык эпохи. К 300-летию провозглашения Петра I императором Всероссийским / Государственная публичная историческая библиотека России. – Москва, 2022. – 300 с. : ил.

ISBN 978-5-85209-497-1

Пятый выпуск «Чертковского исторического сборника» содержит материалы конференции «Российская империя: символический язык эпохи. К 300-летию провозглашения Петра I императором Всероссийским», прошедшей в Государственной публичной исторической библиотеке России в 2021 году. Сборник состоит из разделов: «Власть и общество: образы, знаки и символы», «Социальные отношения и их символический язык», «Культура и ее символическое наполнение», «Образование: смыслы и образы». Статьи в разделах расположены по тематическо-хронологическому принципу.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)47+63.3(2)52

ISBN 978-5-85209-497-1

© Государственная публичная
историческая библиотека
России, 2022

Содержание

Предисловие	6
-------------------	---

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО: ОБРАЗЫ, ЗНАКИ И СИМВОЛЫ

В.А. Ермаков. Манифест 29 апреля 1881 г. «О невыбылемости самодержавия» как знаково-символический концепт и его репрезентации в общественном мнении	8
Я.В. Соловьев. Император как глава государственного аппарата: традиции управления, процедуры и символика	23
Д.О. Алешин. Регентство Э.И. Бирона в оценках и воспоминаниях рядовых представителей российского общества	38
К.В. Павлов. Секретарь Петра I Алексей Васильевич Макаров – «русский Макиавелли» XVIII века	50

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ИХ СИМВОЛИЧЕСКИЙ ЯЗЫК

Е.В. Гувакова. Закрытие Чудова монастыря в 1917–1918 гг. как символический слом эпохи	66
А.В. Ершович. К вопросу о характерных чертах экономического менталитета населения белорусских губерний Российской империи дореформенной эпохи (конец XVIII – первая половина XIX в.)	83
А.А. Захарова. Участие в самоуправлении как один из символов социального статуса городских сословий в первой половине XIX в.	108

Секретарь Петра I Алексей Васильевич Макаров – «русский Макиавелли» XVIII века

Аннотация. Исследование посвящено символическому рассмотрению жизни и деятельности секретаря Петра I А.В. Макарова в так называемом «макиавеллевском» политическом дискурсе XVIII в. Применение подобного дискурса оправдано рядом параллелей в карьерно-политической судьбе Макиавелли и Макарова: оба были политиками-секретарями, блестящими историографами, наконец, жертвами заговоров. Вместе с тем исследовательский интерес к данной теме обусловлен также некоторой разницей персоналий Макиавелли и Макарова. Выводом к работе послужит подтверждение правомерности определения А.В. Макарова как «русского Макиавелли» XVIII в.

Ключевые слова: Алексей Васильевич Макаров, Никколо Макиавелли, Петр I, государственный секретариат, «Гистория Свейской войны», «История Флоренции», Российская империя, Флорентийская республика

Как известно, наиболее широкое распространение в европейской политике «макиавеллевский» дискурс приобрел уже после петровской эпохи, благодаря прусскому королю Фридриху II, современнику императрицы Елизаветы Петровны, написавшему знаменитое сочинение «Анти-Макиавелли», в котором было дано развернутое опровержение связываемым с макиавеллевским «Государем» политическим формулам «*divide et impera*» («разделяй и властвуй») и «*finis sanctificat media*» («цель оправдывает средства»)¹. Характерно, что обе формулы в их чистом виде на самом деле Макиавелли не принадлежали: первая формула еще до Макиавелли была озвучена бургундско-французским дипломатом Филиппом де Коммином, в свою очередь, перенявшим ее у короля Людовика XI²,

¹ *Фридрих Великий.* Анти-Макиавелли, или Опыт возражения на Макиавеллиеву науку об образе государственного правления // Книга государя. СПб.: Амфора, 2004. С. 290–416.

² *Малинин Ю.П.* Филипп де Коммин и его мемуары // де Коммин Ф. Мемуары / Пер. с франц. Ю.П. Малинина. М.: Наука, 1986. С. 418–419.

вторая – принадлежала жившему после Макиавелли иезуиту Антонио Эскобар-и-Мендоза¹. Тем не менее именно эти формулы, ассоциируемые с Макиавелли по принципу соотнесения с идеями «Государя» и «Рассуждений к первой декаде Тита Ливия», сформировали макиавеллевский дискурс в контексте политической теории: так политическую теорию Никколо восприняли иезуиты². Посредством знакомства с иезуитскими интерпретациями сочинений Никколо Макиавелли, его идеи, как отмечает исследователь биографии флорентинца М.А. Юсим, переняли и в России начала XVIII в., например, представители «западно-русской церковной образованности», в частности, префект Славяно-греко-латинской академии и архимандрит Симонова монастыря Иосиф Туробойский³. Как указывает Юсим, в одном из панегириков военным победам Петра, «Преславном торжестве свободителя Ливонии», в описании триумфальных ворот 1704 г. Туробойский упоминает Макиавелли как некий символический «штамп», использованный авторами ворот при создании на них картины «Властолюбие несправедное»⁴. Упоминание макиавеллевского символа в панегирике, известное нам из изданного в 1979 г. рескрипта, таково: «...В середине верхней картины написаном Его Царское Преславное Величество <...> Геркулеса в храме воинския добродетели, опирающегося на тумбу с львиной кожей <...> к той же томбе прикованы суть Макиавель с маятником на главе, с ливаром /воротом/ у ног. Мнимая правда, ярости <...> убийство»⁵. Проанализировав

¹ *Franklin J.* The Science of Conjecture: Evidence and Probability Before Pascal. Baltimore: John Hopkins University Press, 2001. P. 97–100.

² *Разуваев В.В.* Комментарии к «Государю» Макиавелли. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. С. 382.

³ *Юсим М.А.* Макиавелли в России // Макиавелли. Мораль. Политика. Фортна. М.: «Канон+» РОИИ «Реабилитация», 2011. С. 289.

⁴ Там же. С. 291.

⁵ Преславное торжество свободителя Ливонии, отмстителя несправедному хищению <...> покорителя прегордаго льва свейского <...> Петра

оригинальный текст панегирика 1704 г., М.А. Юсим приводит расширенный вариант упоминания Макиавелли Иосифом Туробойским, содержащий, в сравнении с ранее упомянутым рескриптом, следующую деталь: «Знаменают сии пленницы, Махиагель свейския злыя советы с первейшим министром графом Пипером и прочими советники, мнимая правда, секретаров его королевских Цедергелма и Дибена с канцеляриею...»¹. Таким образом, интерпретация политической теории Макиавелли петровскими мастерами как оправдания «неправедного властолюбия» легла в основу аллегории на тему поверженных шведов, изображенной на указанных воротах, воздвигнутых в честь военных побед Петра Великого. Кроме того, в представлении автора панегирика, политическая теория Макиавелли – это «мнимая правда», содержащая «злыя советы» и использованная секретарями и канцелярией шведского королевства для ведения неправедной «свейской войны» против России². Весьма характерно, что архимандрит ассоциирует практическое применение шведами идей Макиавелли с королевскими канцелярией и секретариатом. Вероятно, ему было известно по меньшей мере такое обстоятельство биографии Никколо Макиавелли, как его политическая должность секретаря флорентийской дипломатии. Именно этим объясняется представление Туробойского о применении «порочных» идей Макиавелли секретарем и канцлером шведского королевства³. Вместе с тем, говоря о практической, «секретарской» составляющей макиавеллевского дискурса для европейской политики XVIII в. в целом и для Российской империи в частности, следует отметить,

Алексеевича <...> Составлено Иеромонахом Иосифом Туробойским, префектом и учителем философии, и со всеми учителями <...> (рескрипт) // Панегирическая литература Петровского времени / Подг. В.П. Гребенюк. Ред. О.А. Державина. М.: Наука, 1979. С. 157.

¹ Юсим М.А. Макиавелли в России. С. 291–292.

² Преславное торжество свободителя Ливонии... (рескрипт) С. 157–159.

³ Там же.

что такие политические структуры, как секретариат и канцелярия, появившиеся в аппарате европейских государств в позднем средневековье в конце XV в. во времена политической практики Макиавелли, развили свою сеть как раз уже в раннее Новое время, в XVI – 1-й пол. XVIII вв.¹ Так, американский историк П. Довер утверждает, что время становления централизованных абсолютистских государств в XVI – 1-я пол. XVIII вв. было «Веком секретарей», а политическую власть этого периода он определяет термином «*letterocracy*» («власть писем»), имея в виду, что вся политически значимая информация в письменном виде проходила через секретарей государств². В этой связи, говоря о практической составляющей макиавеллевского дискурса в европейской политике XVIII в., уместно применить его к секретарям формировавшихся абсолютистских государств того времени. В России Петровской эпохи таким секретарем был секретарь Тайного кабинета Петра Великого Алексей Васильевич Макаров. Каковы сходства и различия политических стратегий Макиавелли и Макарова?

Прежде всего, оба в определенной степени были обязаны началом своей политической службы патронажу высокопоставленных государственных лиц. Никколо Макиавелли поступил на государственную службу во Флорентийской республике в 1498 г. в качестве секретаря канцелярии Флоренции, ведавшей внутренней политикой республики. Руководил этим ведомством Марчелло Виргилио Адриани, наставник Макиавелли по Флорентийскому университету, преподававший ему латынь. Как указывает французская исследовательница деятельности Макиавелли К. Жиль, Никколо был любимым учеником Адриани не только потому, что блестяще штудировал латынь, но также потому,

¹ Secretaries and Statecraft in the Early Modern World / Ed. by Paul M. Dover. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. 321 p.

² Dover P. The Age of Secretaries // Secretaries and Statecraft in the Early Modern World / Ed. by Paul M. Dover. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. P. 1.

что разделил нейтральную политическую ориентацию своего наставника в годы правления Флорентийской республикой Джироламо Савонаролы и борьбы флорентийских «группировок» («*riagnoni*», поддерживавших политику Савонаролы, и «*palleski*», стремившихся вернуть в город династию Медичи)¹. Макиавелли последовал за Адриани и не разделил сторону ни тех, ни других: в результате, на первых выборах в городские магистраты Флоренции после казни Савонаролы в мае 1498 г. победили нейтральные кандидаты, в том числе как Адриани в борьбе за канцлерство, так и Макиавелли, ставший его секретарем². В свою очередь, Алексей Васильевич Макаров начинал свою службу у одного из крупнейших сподвижников Петра I – Александра Даниловича Меншикова. Вместе с тем, если назначение Макиавелли сначала, в 1498 г., секретарем канцелярии Флоренции, а затем, спустя несколько месяцев, и секретарем Совета десяти Флорентийской республики, ведавшего ее дипломатией, подтверждается целым кругом источников (как дипломатическими инструкциями, получаемыми от руководства Флоренции самим Макиавелли³, так и «Записками о магистратах» его товарища по службе Франческо Веттори⁴), то с историей перехода Макарова от Меншикова к Петру многое неясно. Так, историк 2-й пол. XVIII в. И.И. Голиков в сочинении «Деяния Петра Великого» утверждал, что Макаров служил только лично Петру с 1693 г.: «Великий государь в бытность свою в Вологде в 1693 году увидел в воеводской канцелярии между приказными молодого писца, именно же сего г. Макарова, и с первого на него взгля-

¹ Жиль К. Никколо Макиавелли / Пер. с фр. В. Балакина. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 11–15.

² Там же. С. 15.

³ Spedizione del Machiavelli al Suddetto. Istruzione // Opere di Niccolo Machiavelli, cittadino e segretario Fiorentino. In 8 vv. Vol. 6. Firenze: Italia, 1813. P. 4–6.

⁴ Vettori F. Ricordo delli Magistrati // Francesco Vettori. Scritti storici e politici. Bari: Laterza, 1972. P. 7.

да, проникши в его способности, взял его к себе в кабинет свой и мало-помалу возвышая его, произвел в помянутое достоинство тайным кабинет-секретарем»¹. Выдающийся историк петровской эпохи Н.И. Павленко следующим образом указывает на неточность этого упоминания Голикова: «В сообщении Голикова по крайней мере три неточности: никакого Кабинета в 1693 году не существовало; Макаров начинал службу не в вологодской, а в ижорской канцелярии у Меншикова; наконец, начальной датой его службы в Кабинете следует считать 1704 год, что подтверждается патентом на звание тайного кабинет-секретаря. Кроме того, есть сведения и о службе Макарова в 1703 г. у Меншикова: так, он засвидетельствовал, что в 1703 году „жил в приказе Меншикова“. Как уже отмечалось, в указе о выдаче Макарову патента названа точная дата начала службы „при дворе нашем“ – 1704 год. Судя по всему, он ведал тогда денежными делами»². По мнению Павленко, сложно датировать переход Макарова на службу к Петру I, так как это связано с отсутствием в известных нам фондах петровского делопроизводства какого-либо указа от императора о создании Тайного кабинета, в котором служил Макаров³. Несмотря на это, о самой службе Алексея Васильевича секретарем Петра Великого нам известно не меньше, чем о службе Макиавелли секретарем флорентийской дипломатии: «Сам Макаров после смерти Петра в 1725 г. составил краткий перечень дел и обязанностей, находившихся в ведении Тайного кабинета. По упоминанию Макарова, такими делами были: переписка с русскими послами и агентами за границей, с губернаторами, коллегиями, Синодом и Сенатом; заботы

¹ *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России // Сочинения И.И. Голикова. 2-е изд. В 15 тт. Т. XIII. М.: Тип. Н. Степанова, 1840. С. 371.

² *Павленко Н.И.* Алексей Васильевич Макаров // Павленко Н.И., Дроздова О.Ю., Колкина И.Н. Сратники Петра. М.: Молодая гвардия, 2001. С. 301.

³ Там же. С. 302.

о найме иностранных специалистов и отправке русских людей за границу; руководство строительством царских дворцов, устройством парков. Кабинет ведал содержанием придворного штата, расходами на Кунсткамеру, в частности – выдачей вознаграждений за „монстров“. Важной прерогативой Кабинета являлся прием челобитных на царское имя. В Кабинете отложилось множество документов военного содержания. Наконец, в последние годы жизни царя немало сил Кабинета поглощало написание „Истории Свейской войны“¹. Вместе с тем формально ни одна сфера юрисдикции Кабинета не включала в себя непосредственно дипломатию: поле юрисдикции и делопроизводства сначала Посольского приказа, а затем, с 1718 г., после проведения Петром коллегияльной реформы, – Коллегии чужестранных дел². В то время как во Флоренции времен Макиавелли не считалось противоречивым формальное сочетание одним государственным лицом внутри- и внешнеполитических функций (при верховенстве значения последних), вследствие чего, Макиавелли, прямо подотчетный главе уполномоченного осуществлять руководство дипломатией республики Совета Десяти, в обращениях в дипломатических письмах ставит подпись «Ваши светлости», имея в виду их предназначение не только для Совета Десяти, но и для внутренней канцелярии Флоренции³. Как полагает американский исследователь М. По, в России XVII – начала XVIII вв. подобного синкретизма во внутри- и внешнеполитических повестках дня государственных структур быть не могло ввиду сохранения еще Алексеем Михайловичем, а вслед за ним и Петром, старинной практики «...дифференциации уровней управления государством на принципиально при-

¹ Там же. С. 312–313.

² Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России // сочинения И.И. Голикова. 2-е изд. В 15 тт. Т. VII. С. 62.

³ Commissione data a Niccolo Machiavelli, mandato a Perugia, deliberato a di 8 di Aprile 1505 // Opere di Niccolo Machiavelli, cittadino e segretario Fiorentino. In 8 vv. Vol. 7. Firenze: Italia, 1813. P. 1–3.

оритетный внешнеполитический – „дело государя“, единственной „структурой“ внутри которого был сам государь, и внутривластический, поддерживаемый аппаратом „земских дел“»¹. Однако трудно согласиться с предположением По уже применительно ко времени Петра. По всей видимости, секретарские структуры виделись Петру формой прогрессивного развития внутривластического государственного аппарата, логическая кульминация развития которого, как отмечал крупнейший отечественный специалист по истории петровской эпохи П.А. Кротов, проявилась в учреждении царем-реформатором Сената². Посредством секретариата, ключевой функциональной фигурой внутри которого был Алексей Васильевич Макаров, традиционные «уровни» политики должны были слиться в комплекс внутривластических проблем абсолютистского государства. Таким образом, Макаров, в отличие от Макиавелли, не имел прямых дипломатических функций в своей секретарской деятельности. Однако мы можем утверждать, что Макаров, не будучи дипломатом де-юре, де-факто, как и дипломат Макиавелли, в своей политической практике имел целую сеть заграничных связей. В обязанности Кабинета, входил, в том числе, отбор лиц, направлявшихся Петром на обучение в страны Европы, а также контроль за их заграничным положением. В этой связи, секретарь регулярно получал в Тайный Кабинет письма из Амстердама, Лондона, Рима и Парижа от обучавшихся там русских дворян. Последние пользовались своими каналами информации (прежде всего, университетским общением) и передавали Макарову сведения о жизни европейских стран³. Вместе с тем важной характе-

¹ *Poe M. Absolutism and the New Men of Seventeenth-Century Russia // Modernizing Muscovy. Reform and social change in Seventeenth-Century Russia / Ed. by J. Kotilaine and M. Poe. Routledge: Taylor&Francis Group, 2004. P. 106–107.*

² *Кротов П.А. Битва при Полтаве / Отв. ред. Н.В. Кирющенко. СПб.: Историческая иллюстрация, 2009. С. 359–360.*

³ *Павленко Н.И. Алексей Васильевич Макаров. С. 306–307.*

ристикой петровского секретариата, обозначавшей отличие в положении Макарова по сравнению с аналогичной секретарской ролью Макиавелли, была его личная подотчетность главе государства. Так, Н.И. Павленко указывает, что «... в Кабинет стекалась огромная масса материалов общегосударственного значения. Все документы, прежде чем попасть к царю, проходили через руки кабинет-секретаря»¹.

Тогда как Макиавелли, хотя и получал назначения на некоторые дипломатические миссии (например, на миссию ко двору Чезаре Борджиа) лично от стоявшего во главе исполнительной власти Флорентийской республики гонфалоньера справедливости Флоренции Пьеро Содерини, напрямую был подотчетен не Содерини, а именно Совету Десяти². Еще одним различием в службе Макиавелли и Макарова как секретарей своего государства являлся источник оплаты их службы. Макиавелли получал оплату напрямую из казны Флорентийской республики, из-за чего часто влачил в своих дипломатических поездках полунищенское существование. Так, Совет Десяти задерживал Макиавелли и его сотоварищу по службе Франческо Делла Каза отправку жалования во время их пребывания в Париже при дворе короля Франции Людовика XII в 1500 г. При этом характерно отметить, что Макиавелли выполнил свою миссию перед Флоренцией до конца, несмотря на длительное отсутствие жалования, тогда как Делла Каза предпочел просто запросить отзыв с миссии у Совета Десяти³. Финансирование же Тайного кабинета Макарова осуществлялось сначала лич-

¹ Там же. С. 303.

² Павлов К.В. Никколо Макиавелли и дипломатия Флоренции в Итальянских войнах: диалог с Чезаре Борджиа // Архонт. №4 (25). М., 2021. С. 73.

³ Павлов К.В. Никколо Макиавелли и «пизанский вопрос» в политике Флоренции на рубеже XV–XVI вв. // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Материалы XXXVIII всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (12–14 ноября 2018 г.). СПб.: Скифия-принт, 2018. С. 238–239.

но Петром I (т. н. «кабинетные деньги» – средства, получаемые российским царем за работу на верфях как Петра Михайлова, а также за службу в ранге капитана и полковника), а также, в большей степени за счет «подносных денег» – взносов от богатых граждан Российской империи¹. Так, за 1710 г. нам известно о как минимум двух примерах щедро вливания «подносных денег» в секретарскую структуру: 55 тысяч рублей ефимками от губернатора Казани Петра Матвеевича Апраксина и 90 тысяч рублей ефимками от архангелогородского губернатора Петра Алексеевича Голицына². При этом необходимо отметить, что выплаты петровскому секретариату в виде «подносных денег» не носили характер дарения: как отмечает Н.И. Павленко, объяснялось это довольно просто: «...Нельзя подносить то, что дарившему не принадлежало»³. Поэтому средства Кабинета Макарова часто расходовались на нужды, не связанные с прямой юрисдикцией этого секретариата. В частности, в 1711 г. 60 тысяч рублей из кабинетных денег было отправлено на вызволение вице-канцлера Шафировова, находившегося заложником в Османской империи⁴. Поэтому можно утверждать, что Макаров на службе Российской империи, так же, как и Макиавелли на службе Флорентийской республике, сталкивался с диктатом бюрократической исполнительности, требовавшим от него, в том числе, реагирования на «внештатные» ситуации.

В свою очередь, говоря о такой параллели между Макаровым и Макиавелли, как их деятельность в роли историков, следует упомянуть, что оба исполняли обязанности, сопоставимые с теми, что возлагались на лиц, получавших в своих государствах официальную должность историогра-

¹ Павленко Н.И. Алексей Васильевич Макаров. С. 313–314.

² Там же. С. 313.

³ Там же.

⁴ Санин Г.А. Становление великой державы // История внешней политики России. XVIII век. Коллектив авторов / Отв. ред. Г.А. Санин. М.: Международные отношения, 1998. С. 39–40.

фа. Макаров в 1721 г. лично от Петра I (на имя Кабинета) получил распоряжение написать «Гисторию Свейской войны»¹. Макиавелли поступил в 1520 г. заказ на «Историю Флоренции» от Флорентийского университета, возглавляемого кардиналом Джулио Медичи – будущим папой Римским Климентом VII². По сути, Макиавелли и Макаров являлись историографами Флорентийской республики и петровской России, хотя и не имели соответствующего официального звания. Вместе с тем в их служении государству на историческом поприще были и некоторые различия. Так, В.И. Рутенбург отмечал в отношении хроники Макиавелли следующую особенность: «Написанная по заказу представителя правящей семьи Медичи, она не стала промедичейской. <...> Он обращался за советом к Гвиччардини, заявляя, что с удовольствием заплатит ему 10 сольдов и даже больше, если тот посоветует, как ему избежать при характеристике Медичи двух крайностей: излишней похвалы и излишней хулы»³. В то время как Макаров не только не отказывался от «надзора» за своим трудом над «Гисторией Свейской войны» со стороны Петра: как свидетельствует переписка Петра с Макаровым, российский император даже лично осуществлял редактирование каждой написанной своим кабинет-секретарем главы⁴. Объясняется это различие прежде всего принципиально отличной структурой исторических трудов Макиавелли и Макарова. Флорентинец писал историю своей республики, не доводя ее до современных ему событий Итальянских войн 1494–1559 гг.: «История Флоренции» Никколо Макиавелли начинается древнейшими временами

¹ История Свейской войны / Сост. Т.С. Майкова, под общей редакцией А.А. Преображенского. В 2-х выпусках. Вып. 1. М.: Кругъ, 2004. С. 432.

² Рутенбург В.И. Жизнь и творчество Макиавелли // Макиавелли Н. История Флоренции / Пер. с ит. Н.Я. Рыковой. Общая ред., послесл. и комм. В.И. Рутенбурга. Л.: Наука, 1973. С. 376.

³ Там же. С. 378.

⁴ История Свейской войны. С. 432, 536.

(авторской версией о возникновении города Флоренции на базе римского поселения Фьезоле)¹ и заканчивается упоминанием смерти Лоренцо Медичи Великолепного в 1492 г.² Макаров же писал о событиях его времени, современных Петру и ему: «Гистория» начиналась с описания дипломатической подготовки России к войне за владычество над Балтикой в 1690-е гг.³, а заканчивалась фиксацией российской победы над шведами и провозглашением Петра I императором в 1721 г.⁴ Кроме того, отличался характер источников обоих авторов. Все документы по истории Великой Северной войны, которые использовал Макаров в написании «Гистории», либо непосредственно хранились в Тайном Кабинете, либо были в него перенаправлены из «фондов» коллегий (например, из Адмиралтейств коллегии и лично от Федора Матвеевича Апраксина были перенаправлены журналы 1716–1719 гг. по действиям русского флота и сухопутных сил в Финляндии)⁵. Макиавелли же пользовался, прежде всего, флорентийскими хрониками XIV–XV вв., а некоторые главы его «Истории Флоренции», по мнению американского исследователя М. Филлипса, и вовсе напрямую компилировались им из более ранней «Истории Флоренции» Джованни Виллани⁶. Кроме того, важным фактором отличия труда Макиавелли являлось то обстоятельство, что на момент работы над созданием «Истории Флоренции» (1520–1525 гг.) Никколо уже не был практикующим флорентийским политиком, тогда как Макаров писал свой труд для Петра I от имени всего Тайного Кабинета.

¹ *Макиавелли Н.* История Флоренции / Пер. с ит. Н.Я. Рыковой. Общая ред., послесл. и комм. В.И. Рутенбурга. Л.: Наука, 1973. С. 51.

² Там же. С. 339.

³ История Свейской войны. С. 82.

⁴ Там же. С. 536–541.

⁵ *Павленко Н.И.* Алексей Васильевич Макаров. С. 310–311.

⁶ *Phillips M.* Machiavelli, Guicciardini and the Tradition of Vernacular Historiography in Florence // *The American Historical Review*. Vol. 84. No. 1. 1979. P. 89–92.

Вместе с тем ключевое сходство Макиавелли и Макарова в их секретарской политической практике – это верность и последовательность службы. Макиавелли в 1512 г. не стал присягать вернувшимся во Флоренцию Медичи, оставшись верным курсу нейтралитета республики в Итальянских войнах и его выразителю – гонфалоньеру справедливости Флоренции Пьеро Содерини. Содерини после реставрации Медичи был отстранен ими от должности, из-за чего впал в опалу и поддерживавший его Никколо Макиавелли¹. Аналогичным образом, спустя два века в Российской империи, Макаров, приверженный политической прямоте и честности Петра, не вписался в новые, не требовавшие честного труда рамки российской политики, обозначившиеся со смертью первого императора и усугубившиеся в годы «биرونщины»². Поэтому, говоря о макиавеллевском дискурсе в контексте политической практики, в качестве вывода мы вправе утверждать, что Алексей Васильевич Макаров, как секретарь Тайного Кабинета Петра Великого, вполне заслужил называться «русским Макиавелли» XVIII века, благодаря чертам, роднившим его с известным флорентинцем, – долгу службы и преданности интересам государства.

Библиография

История Свейской войны / Сост. Т.С. Майкова, под общей редакцией А.А. Преображенского. В 2-х выпусках. Вып. 1. М.: Кругъ, 2004. 632 с.

Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России // Сочинения И.И. Голикова. 2-е изд. В 15 т. Т. VII. М.: Тип. Н. Степанова, 1838. 538 [11] с.

¹ *Raimondi F.* Constituting Freedom. Machiavelli and Florence / Translated from Italian by Matthew Armistead. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 103.

² Павленко Н.И. Алексей Васильевич Макаров. С. 376.

Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России // Сочинения И.И. Голикова. 2-е изд. В 15 т. Т. XIII. М.: тип. Н. Степанова, 1840. 766 [7] с.

Жиль К. Никколо Макиавелли / Пер. с фр. В. Балакина. М.: Молодая гвардия, 2005. 164 с.

Кротов П.А. Битва при Полтаве / Отв. ред. Н.В. Кирющенко. СПб.: Историческая иллюстрация, 2009. 416 с.

Макиавелли Н. История Флоренции / Пер. с ит. Н.Я. Рыковой. Общая ред., послесл. и комм. В.И. Рутенбурга. Л.: Наука, 1973. 447 с.

Малинин Ю.П. Филипп де Коммин и его мемуары // де Коммин Ф. Мемуары / Пер. с фр., статья и прим. Ю.П. Малинина. М.: Наука, 1986. С. 384–437.

Павленко Н.И. Алексей Васильевич Макаров // Павленко Н.И., Дроздова О.Ю., Колкина И.Н. Сопратники Петра. М.: Молодая гвардия, 2001. 494 [2] с.

Павлов К.В. Никколо Макиавелли и дипломатия Флоренции в Итальянских войнах: диалог с Чезаре Борджиа // Архонт, № 4 (25). 2021. С. 71–85.

Павлов К.В. Никколо Макиавелли и «пизанский вопрос» в политике Флоренции на рубеже XV–XVI вв. // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Материалы XXXVIII всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (12–14 ноября 2018 г.). СПб.: Скифия-принт, 2018. С. 234–240.

Преславное торжество свободителя Ливонии, отмстителя неправдному хищению <...> покорителя прегордаго льва свейскаго <...> Петра Алексеевича <...> Составлено Иеромонахом Иосифом Туробойским, префектом и учителем философии, и со всеми учителями <...> (рескрипт) // Панегирическая литература Петровского времени / Подг. В.П. Гребенюк, ред. О.А. Державина. М.: Наука, 1979. С. 150–180.

Разуваев В.В. Комментарии к «Государю» Макиавелли. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. 528 с.

Рутенбург В.И. Жизнь и творчество Макьявелли // Макиавелли Н. История Флоренции / Пер. с ит. Н.Я. Рыковой.

Общая ред., послесл. и комм. В.И. Рутенбурга. Л.: Наука, 1973. С. 343–381.

Санин Г.А. Становление великой державы // История внешней политики России. XVIII век. Коллектив авторов / Отв. ред. Г.А. Санин. М.: Международные отношения, 1998. С. 34–47.

Фридрих Великий. Анти-Макиавелли, или Опыт возражения на Макиавеллиеву науку об образе государственного правления // Книга Государя. СПб.: Амфора, 2004. С. 290–416.

Юсим М.А. Макиавелли в России // Макиавелли. Мораль. Политика. Фортуна. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. С. 192–536.

Comissione data a Niccolo Machiavelli, mandato a Perugia, deliberata a di 8 di Aprile 1505 // Opere di Niccolo Machiavelli, cittadino e segretario Fiorentino. In 8 vv. Vol. 7. Firenze: Italia, 1813. P. 1–3.

Dover P. The Age of Secretaries // Secretaries and Statecraft in the Early Modern World / Ed. by Paul M. Dover. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. P. 1–15.

Franklin J. The Science of Conjecture: Evidence and Probability Before Pascal. Baltimore: John Hopkins University Press, 2001. 497 p.

Phillips M. Machiavelli, Guicciardini, and the Tradition of Vernacular Historiography in Florence // The American Historical Review, Vol. 84, No. 1. 1979. P. 86–105.

Poe M. Absolutism and the New Men of seventeenth-century Russia // Modernizing Muscovy. Reform and social change in seventeenth-century Russia / Ed. by J. Kotilaine and M. Poe. Routledge: Taylor&Francis Group, 2004. P. 93–110.

Raimondi F. Constituting Freedom. Machiavelli and Florence / Translated from Italian by Matthew Armistead. Oxford: Oxford University Press, 2013. 178 p.

Secretaries and Statecraft in the Early Modern World / Ed. by Paul M. Dover. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. 321 p.

Spedizione del Machiavelli Al Suddetto. Istruzione // Opere di Niccolo Machiavelli, cittadino e segretario Fiorentino. In 8 vv. Vol. 6. Firenze: Italia, 1813. P. 4–6.

Vettori F. Ricordo delli Magistrati // Francesco Vettori. Scritti storici e politici. Bari: Laterza, 1972. P. 7–9.

Kirill Pavlov

**Secretary of Peter I Alexey Vasilyevich Makarov –
«Russian Machiavelli» of the XVIIIth century**

Abstract. The study is devoted to the symbolic consideration of life and activity of Peter I's secretary A.V. Makarov in the so-called «Machiavellian» political discourse of the XVIIIth century. The use of such a discourse is justified by a number of parallels in the career-political destiny of Machiavelli and Makarov: both were political secretaries; brilliant historiographers; and finally, victims of conspiracies. At the same time, the research interest in this topic is also due to certain difference in the images of the personalities of Machiavelli and Makarov in history. The conclusion to the work will serve as confirmation of the legitimacy of the definition of A.V. Makarov as the «Russian Machiavelli» of the XVIIIth century.

Keywords: Alexey Vasilyevich Makarov, Niccolo Machiavelli, Peter I, State Secretariat, «History of the War with The Swedes», «Florentine Histories», The Russian Empire, The Florentine Republic